

16+

Юджин Рэнд

Рождение ворона

Юджин Рэнд

Рождение ворона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45033637

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-08478-0

Аннотация

Рейвен Уильямс – проблемная девушка, рано потерявшая семью. Пытаясь сбежать от трагического прошлого, она все глубже и глубже застревает в криминальной среде. Когда старый друг предлагает ей шанс начать все с чистого листа, Рейвен соглашается и поступает в полицейскую академию. Она жаждет доказать всем окружающим, что способна на многое, и вскоре после окончания учебы ей дают расследовать дело о таинственном исчезновении школьницы...

Содержание

Часть первая	4
Часть вторая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юджин Рэнд

Рождение ворона

*Посвящается Ю. З. – путеводной звезде,
сияющей ярко, несмотря ни на что.*

*Сколько пришлось пройти, чтобы себя собрать.
Много еще в пути нам предстоит понять.
Сквозь километры звезд наконец осознать:
Чтобы себя найти, нужно потерять.*

Soulshop. «Найти и потерять»

Часть первая

Сквозь дымчатую пелену тумана показалось лицо матери. Она смеялась и подтрунивала надо мной, веля поторапливаться. Я как вкопанная стояла в проходе дома, окруженная чемоданами, наполненными вещами, пытаюсь рассмотреть ее лицо, усыпанное веснушками, такое мудрое, но одновременно юное. Мама всегда говорила, что ее веснушки являются благословением солнца. Того самого, что так ярко и жизнерадостно светило над ее каштановыми волосами, пока та стояла на крыльце. Она рассказывала, что веснушки – признак большого счастья у человека, и я готова бы-

ла поклясться чем угодно, что видела это самое счастье в ее безумно красивых глазах. У меня веснушек не было, но я и без них была такой же счастливой.

– Подвинься, копуша! – отталкивая меня в сторону, пронесла Кэти, моя сестра, которая десятилетним смерчем пронеслась к выходу. Ее голос эхом отозвался в моей голове, быстро затихая в пространстве. На секунду мне показалось, что я наблюдаю со стороны и вижу Кэти и маму так, словно смотрю старое семейное кино. Я что-то ответила сестренке, кажется, «Мелюзга!», но, к собственному удивлению, я не услышала своего голоса.

Я смотрю, как Кэти ехидно показывает мне язык, перевожу взгляд на маму и вижу, как она снова смеется над этим. Опять ощущаю эффект кино, но теперь уже все движения происходят в замедленной съемке. Пользуясь моментом, стараюсь всмотреться в лица матери и сестры, стараюсь запомнить каждую их черту, каждую микроскопическую частицу. Но чем тщательнее всматриваюсь, тем больше расплываются их образы. Какие-то детали проскальзывают мимо моего взора, я пытаюсь понять, какие именно, но ничего не получается. Ощущение чего-то нереального все больше и больше начинает захватывать меня.

Голос отца, ожидавшего нас у машины, вывел меня из транса. Он тоже начал поторапливать нас, ведь наше семейное путешествие в Калифорнию обещало быть долгим, и папе не терпелось выехать на трассу как можно быстрее. Я на-

конец вышла следом за сестрой, мама тут же поспешила закрыть дом на замок, и мы все втроем направились к машине. Когда мы дружно рассаживались по своим местам, я была целиком и полностью уверена, что эта поездка будет одним из лучших событий в моей жизни.

Мы наконец отъехали от дома, посчитав это отправной точкой нашего путешествия. Папа вел машину, внимательно смотря на дорогу, но при этом слушая, что говорит ему мама. Кажется, она рассказывала про свою художественную выставку, которую планировала открыть через пару недель. Этого события она ждала с нетерпением, хотя изначально очень боялась выставлять напоказ свои работы. Но папа все же уговорил ее согласиться с предложением агентов и, довольный таким достижением, втайне от мамы ждал этой выставки не меньше нее.

Я взглянула на сидящую рядом Кэти – сестренка сладко спала, обнявшись со своим любимым плюшевым медведем. Удивительно, что обычно неутомная, чересчур энергичная Кэти всегда быстро засыпала в машине. Усмехнувшись про себя, что хоть какое-то время мы проведем в тишине, я стала глядеть в окно.

Мы преодолели пару кварталов и уже подъезжали к ведущему из города шоссе, как вдруг произошел сильный толчок сзади, послышался визг тормозов, скрежет металла и звон треснувшего стекла. Меня резко дернуло в сторону, а затем непонятно от чего перевернуло вверх тормашками. В глазах

блеснула яркая белая вспышка, а потом вдруг все померкло. Меня обуял страх от накинувшейся на меня темноты. Я была не в состоянии что-либо увидеть, глаза отказывались открываться. Я почувствовала, что задыхаюсь, ощущала, как воздух с трудом проникает в легкие, а все мое тело будто пронзают тысячи тончайших иголок. Что-то тонкое обхватило мою правую руку, прочно стягивая ее. Я резко дернулась в попытке освободиться, но сделала только хуже. Что-то хрустнуло, и я закричала, совсем не сдерживаясь. Наверняка мой крик был громким, однако мне же он показался совсем беззвучным. Адская боль заслонила его, она раздирала меня на части. Я начала терять сознание, ощущая, как все вокруг погружается в тишину. Темнота окутала меня совсем на мгновение, но мне оно казалось вечностью. Вскоре я пришла в себя, попыталась медленно открыть глаза. Получилось не сразу. Пока веки, будто заклинившие оконные створки, пытались разойтись, я ощутила, как по волосам стекает что-то густое и неприятно теплое. Сломанная рука, по-прежнему обернутая чем-то, не слушалась меня, я была не в состоянии ей пошевелить. С каждым прикладываемым усилием сделать хоть что-то я лишь получала новую порцию обжигающей до дрожи боли.

Левой рукой я дотронулась до жидкости на голове. Глаза уже поддавались моей воле, зрение немного восстановилось, и тогда я смогла разглядеть на своих пальцах сгустки крови. Это не так уж напугало меня, и вообще я никогда не боя-

лась ее. Однако то, что я увидела краем глаза, заставило меня содрогнуться. На другой стороне от меня лежала Кэти. Она была повернута спиной ко мне, ее лица я не видела, но сестренка не двигалась. Я попыталась подобраться к Кэти, но ремень безопасности, обхвативший меня и, как оказалось, мою правую руку, заклинило, и он не собирался меня отпустить. Я потянулась к сестре другой рукой, но едва могла прикоснуться к ней кончиками пальцев. Я смотрела на Кэти, но та не подавала никаких признаков движения. И тогда, приглядевшись, я осознала, что моя сестра совсем не дышит.

Поняв, что произошло, дышать чуть не перестала и я. В панике, истерике и нахлынувшем на меня бреде я начала дергаться во все стороны. При любом, даже самом малейшем движении сломанная рука и побитое тело напоминали о себе болью. Но мне было плевать на это. Все, чего я хотела в данный момент, это приблизиться к Кэти. Понять, что я ошиблась, увидеть, что моя маленькая сестренка не умерла. Не понимая, что творю, я кричала и ревела, звала родителей или хоть кого-нибудь на помощь, но все было бесполезно.

Сквозь слезы я посмотрела вперед, туда, где сидели родители. Я заметила маму, свесившуюся на ремне. Голова ее была необычно наклонена лицом ко мне. Мама смотрела прямо на меня. Глаза ее были широко раскрыты, скорее, от замешательства, чем от испуга. Мама продолжала смотреть на меня, ничего не говоря и вообще никак не реагируя на то, что происходило вокруг. Я ревела, глядя на нее, понимая,

что мама уже не сможет помочь мне или Кэти. Мама тоже была мертва.

Из меня вырвался не то писк, не то стон. Хотелось кричать, будто раненый зверь, и я кричала, не отказывая себе в этом. Обуреваемая истерикой, я не хотела думать ни о чем, но в голове на секунду промелькнула мысль: где-то ведь должен был быть отец! Папа, наш великий и бесстрашный герой, придет ко мне и вытащит меня из этого кошмара. Семейное кино вмиг превратилось в фильм ужасов. Все это казалось мне страшным сном, и я надеялась, что отец придет и разбудит меня.

Смахнув непрекращающийся поток истерических слез, я попыталась заглянуть на место водителя. Обзор был не лучший, но мне стало понятно, что отца в машине не было. Поискав его глазами, я заметила, как в открытой дверце машины промелькнули знакомые штаны. Именно эти штаны мы с Кэти подарили отцу на прошлогодний день рождения. Значит, отец жив и ему удалось выбраться из покореженной машины!

Отец, потрясенный не меньше остальных и наверняка еще не осознавший полной трагедии, вероятно, выполз из машины. Я не видела его, но мой взгляд как магнит был прикован к тому месту, где он должен был появиться. Мысленно я старалась помочь ему, подтолкнуть его, чтобы он быстрее встал на ноги. Глупо было так думать, но я все равно прикладывала каждое ментальное усилие, сама же будучи закованной

в капкан ремня безопасности и не в силах совладать с ним. Мне стало стыдно признавать, но я эгоистично желала, чтобы мой любимый папочка поскорее пришел в себя и наконец вытащил меня из этой ловушки. Желая этого всем сердцем, я немного успокоилась, но напрочь позабыла о маме и Кэти, о том, что с ними стало. Мысли мои метались хаотично, на уровне первобытных инстинктов. Они проносились в моей голове, но я не осознавала их серьезность, за что буду каяться всю оставшуюся жизнь, которая могла оборваться в любую секунду.

Наконец я увидела, как рука отца схватилась за место на дверце, где раньше было окно. Я все еще не видела всей картины, но по звучавшему шуму решила, что папа пытался подняться на ноги. Сейчас у него все получится, думала я, ожидая, что отец вот-вот ринется на выручку своей семье.

Но вместо этого раздался лишь звук выстрела...

* * *

Резко хватая воздух, я проснулась от громких звуков с улицы. Какой-то идиот яростно колотил мусорные баки. Я не видела этого мудака, но зато сквозь пелену сна слышала, как кто-то из соседнего дома орет на него.

Растирая глаза, мне хотелось поскорее прогнать сон прочь. Призраки прошлого эхом отзывались в голове, не давая мне забыть давнее прошлое. Мне почудилось, что эти

призраки сейчас витают возле меня, нашептывая то, что я так не хотела слышать. Странно, что воспоминание о катастрофе было столь ярким и от того еще более жутким и мучительным. Прошло уже шесть лет, но я словно в очередной раз пережила все это наяву. Нет, это явно был не просто сон. После такого кайфового прихода это был самый настоящий трип. Помнится, такие случались после катастрофы, причем довольно долгое время. Помню, как я посреди ночи просыпалась с криками и в слезах, а когда успокаивалась, не могла уснуть до самого утра. А ведь тогда я даже не употребляла наркотиков. Тогда я еще была малолеткой-отличницей и не тусила с парнями из «41-ойбанды». А связавшись с ними и затем попробовав чумовые колеса или неслабую на убой травку, я спрятала память о произошедшем в сундуке своей души. Тогда мой мир переменялся навсегда, и я забила на школу и отличные отметки, забила на занятия гимнастикой. Забила вообще на все и на всех.

Черт, все-таки этот последний косяк был каким-то другим, нехорошим. Башка разрывается, словно на нее уронили наковальню, прямо как в мультиках «Луни Тюнз». Приход, что я словила, крепко затянувшись, не откатил назад мои кошмары. Вместо этого он, наоборот, разворотил этот пугающий до усрачки улей моего разума. Интересно, где Би-Джей нарыл эту галлюциногенную дрянь?

Взгляд мой упал на самого Би-Джея. Вот он, здоровенный черный увалень, весь в дешевых, сделанных под золото

украшениях. Сам по себе этот парень был неплохим чуваком, но те, кто не был ему другом, испытывали настоящий страх перед ним. Его тучность компенсировалась слоновьей силищей, и не поздоровится тому, кто попадетя ему под руку. Головой на коленях у Би-Джея лежала симпатичная рыжая девчонка, никак сейчас не могу вспомнить, как же ее зовут. То ли Энджи, то ли Кристи. Оба спали как убитые, что я сначала так и подумала, но потом здоровяк всхрапнул, и я чуть с облегчением выдохнула. Глядя на этих двоих своими дремными глазами, вспоминаю, что что-то там у них намечалось друг с другом в спальне, но, судя по всему, сексу они предпочли обдолбаться наркотой до полной отключки. Только сейчас я почувствовала давящую на мои плечи тяжесть. Это не были отходняки, всего лишь гориллоподобная рука Би-Джея. Я скинула ее, рука упала на его живот, а он, даже не просыпаясь, тут же почесался. Зрелище оказалось не самое приятное.

Осмотрелась вокруг. Повсюду царил темнота, нарушаемая лишь слабым мерцанием гирлянд, развешанных тут и там. Обстановка казалась знакомой, и пару секунд спустя я поняла, что нахожусь в квартире одного из ребят из «41-ой банды». Это было хорошим знаком: по крайней мере, я лишь вырубилась от кумарного прихода и ничего не натворила. Тоже можно было сказать и об остальных участниках нашей тусы. Вся квартира была усыпана спящими телами: люди валялись на полу и в креслах, а мы с Би-Джеем и рыжеволосой

Энджи-Кристи уместились на диване; одна девчонка спала, прислонившись к стене, какой-то чувак, которого я не знала, сопел, лежа на кухонном столе. В сумраке я увидела свет, исходивший из приоткрытого туалета – оттуда выглядывала нога, в потемках напомнившая мне змею. Всю эту картину наблюдать казалось крайне странным, ведь всего пару часов назад вся квартира ходила ходуном от орущей на полную громкость музыки и веселящихся людей. Множество раз на всяких подобных рейвах я наблюдала, как парни и девчата упиваются и ловят кайфы, как танцуют что есть мочи, как флиртуют друг с другом или выясняют отношения, доводя дело до потасовок. Сейчас же в отключке были абсолютно все, пожалуй, кроме меня. Мне стало жутко от мысли, что я являюсь единственным человеком среди всех этих тел. Воображение рисовало в голове работу старушки Смерти, оставившей за собой лишь кучи трупов.

За окном с визгом пробуксовала машина, шум выдернул меня из неприятных ассоциаций. Следом послышалась полицейская сирена, я машинально повернулась на звуки, и яркий свет неоновых вывесок соседних магазинов ослепил меня. Встряхнув возникшие световые пятна, я окончательно проснулась. Призраки прошлого растворялись в пространстве реального мира, на память остались лишь шрамы на руке. Я дотронулась до них, провела пальцем по замаскированным татуировками рубцами. Замысловатые линии синего и розового цветов неона, подобие того, что светил на ули-

це, ловко скрывали следы давней травмы, но это не значило, что их не было. С момента, когда ремень безопасности сломал и распорол мне руку, прошло много лет, но я ни разу не притронулась к этому отвратительному чудовищу из кожи. Я столько раз участвовала в угонах, столько раз лихачила за рулем машины как сумасшедшая, но никогда не пристегивалась. И видит кто-то Всевышний – я до сих пор жива и невредима.

Пришлось сделать нелегкий рывок, чтобы встать на ноги. Я сильно пошатнулась, едва не рухнув на спящего у дивана паренька, но, взяв тело под контроль, удержала равновесие. Да уж, наркотические отходняки и алкогольное опьянение – привычная, но не самая здоровская комбинация. В голове звенело так, будто стучали в тысячи гонгов разных размеров и звонкости. Решение умыть лицо показалось мне заманчивым, и, неловко маневрируя между сопящими приятелями, я направилась напрямиком к туалету. Нога, что торчала из уборной, принадлежала еще одной девице. Не без труда я вытащила ее за ногу прочь. Та даже не сопротивлялась. Захлопнув за собой дверь, я вновь оградила себя от всего остального мира.

* * *

К дому не спеша подъехал старенький черный седан. Сидящий в нем мужчина был лет пятидесяти, красивый и стат-

ный, с заметной белесой сединой на висках. Заглушив двигатель автомобиля, мужчина не торопился выходить наружу. Сидя в задумчивости, он вытащил из кармана плаща пачку сигарет, повертел ее в руках. Открыл коробочку, безучастно разглядывая лежащие в ней сигареты. Пересчитав их, а было их двенадцать, мужчина закрыл пачку. Невероятный соблазн взять одну сигаретку и, не торопясь, выкурить ее окутывал мужчину, шептал заманчивые слова, обволакивал воображаемым, но отчего-то таким чувствительным запахом табака и дыма. «Нет, – подумал мужчина, – я не поддамся искушению. Бросаю – значит бросаю, и точка». Он не хотел думать о своей вредной привычке, да и не время было для этого. Если бы не желание затянуться, голова его была бы занята мыслями о том, зачем он сюда приехал.

Впереди седана припарковался полицейский фургон, а напротив него остановился еще один. Обе машины встали поперек улицы, перекрывая дорогу, пресекая тем самым любую попытку бегства на машине. Ни сирена, ни мигалки у фургонов включены не были, старый детектив, сидящий в седане, знал, что это для того, чтобы преступники ничего не прознали о прибытии копов. А еще детектив знал, что опоздал. Он надеялся прибыть на место планируемого рейда первым, и хотя фактически так и было, предпринимать какие-то действия ему уже было поздно. Ему оставалось лишь быть наблюдателем и следить за тем, чтобы захват преступной банды в этом доме произошел как по маслу. В квартире,

куда надо было ворваться группе полицейских, был важный и слишком ценный для детектива человек, который никак не должен был пострадать.

Двери грузовиков синхронно распахнулись, облаченные в бронежилеты и с оружием наперевес полицейские выходили друг за другом. Увидев этих несомненно крутых парней из отдела по борьбе с наркотиками, детектив тяжело вздохнул. Убрав сигареты обратно в карман, он вышел из машины. Плы плаща едва не застряли в захлопнувшейся двери, но детектив не обратил на это никакого внимания. Все его мысли были сосредоточены на логичном или хотя бы правдоподобном оправдании того, почему он находится здесь. Детективу было не по пути с группой захвата, ведь операция проводилась не на его территории и не отделом его участка.

Когда появился командир операции, детектив, не торопясь, подошел к нему. Тот показался весьма удивленным, но, узнав коллегу, тут же протянул детективу руку.

– Детектив Кэмпбелл? Какими судьбами вы здесь?

– Я, можно сказать, проездом, – произнес Аарон Кэмпбелл, отвечая на рукопожатие. Командир понимающе улыбнулся, но по его глазам было видно, что он ничего не понял.

– Берете кого-то особенного? – поинтересовался Кэмпбелл, хотя на самом деле благодаря своим источникам он уже был прекрасно обо всем осведомлен.

– Ну, не совсем особенного, но и не воришку магнитол. Берем Брендана Джейсона Дили.

– Би-Джея? – командир кивнул и замахал руками своим парням, давая тем самым разрешение на начало операции.

– Вы нас не простите, детектив? Нам надо идти...

– Да, да, не смею задерживать, – произнес Кэмпбелл, сам при этом придвигаясь к собеседнику и переходя на шепот. – Однако, может, вы окажете мне небольшую услугу?

Командир отряда постоял молча, наблюдая, как его группа входит в дом, а затем, подумав, произнес:

– Услуга для Аарона Кэмпбелла? Я слушаю.

Я невольно охнула, когда пронзающий холод водной гладью заскользил по коже; закашлялась, но тем не менее почувствовала себя бодрее. Умывание холодной водой явно пошло мне на пользу. Довольная чудо-эффектом от хлорированной живой водицы, я уже хотела было уйти, но мой взгляд приковало собственное отражение в зеркале, висящем над раковиной. Я подошла поближе и, опершись на керамику, долго не сводила глаз со своего лица. Это было какое-то наваждение. Не имея ни малейшего понятия, зачем это делаю, я как остолбеневшая дура тарасилась, не думая ни о чем.

Наконец стряхнув с себя это странное помешательство на самой себе, я решительно направилась назад. Но стоило мне взяться за ручку, как вновь замерла на месте. Сейчас что-то заставило меня напрячься, какой-то шум, еле доносившийся сюда, но заставлявший мурашки пробежать по телу олимпийский марафон. Шестое чувство приказывало не выходить из уборной, и я, привыкшая доверять этому чувству,

не рискнула спорить. Я слегка приоткрыла дверь и как кошка, затаившаяся в ночи, стала вслушиваться в нарастающий гул.

* * *

Группа захвата действовала быстро и решительно. Для них это была обычная работа, такая же обычная, как офисному планктону поменять бумагу в принтере, а повару – приготовить блюдо. Копы отработывали эти стадии действий как на тренировках, так и в жизни столько раз, что это становилось рефлексом. Эти brave парни не знали неудач, и потому очередная операция не была для них исключением.

Выбив входную дверь, группа с криками «Всем ни с места, полиция!» переполошила всех находящихся в квартире. Все до этого мирно спавшие люди в панике принялись разбегаться кто куда, словно тараканы; те, кто был пьян, мгновенно трезвели; у кого были запрещенные вещества, начали сбрасывать их подальше от себя. Би-Джей, услышав вторжение полиции, подпрыгнул с дивана как на пружинах, напроць забыв о своей подружке на коленях. Проснувшаяся Энджи-Кристи рухнула на пол, даже не поняв, что происходит.

Копы хватали всех и каждого, до кого могли дотянуться. Несколько человек попытались выхватить из-за поясов пистолеты, но сдались под нацеленными на них штурмовыми

винтовками. Би-Джей, что-то кричавший о своих правах и о том, что вторжение к нему было незаконным, полез с кулаками на одного из оперативников, за что и отхватил тумаков в ответ. Кто-то успел благополучно сбежать из квартиры через окна. Им было плевать, что они были на третьем этаже, было плевать, что пожарная лестница находится через несколько квартир от этой. Они готовы были пожертвовать своей безопасностью, готовы были быть покалеченными, лишь бы не попасться в цепкие полицейские лапы и остаться на свободе. Копам же было плевать на этих идиотов. Их интересовал лишь Би-Джей и его дружки по «41-ой банде». Повязали всех, кто мог иметь отношение к преступной группировке, и теперь зачитывали всем вместе и каждому в отдельности их права. Парней обвиняли в хранении, торговле и употреблении наркотиков, не забывая приписать угрозу оружием, сопротивление аресту и нападение на полицейского при исполнении. Доказательства их вины были железобетонными, поскольку тут и там валялись у всех на виду. И как бы Би-Джей ни возражал, что это не его наркотики, дело было закрыто.

* * *

– Черт! – тихо выругавшись, я попятилась назад, закрывая дверь. Не рассчитав силу, я захлопнула ее так громко, что копы наверняка это услышали. И правда, вот уже послышалось шарканье ног, направленных к двери. Я запаниковала,

ком подкатывал к горлу, голова опять не хотела соображать. Мне потихоньку приходил каюк, а бежать из туалета было некуда. Никак нельзя было допустить, чтобы меня снова повязали.

Это было далеко не первое мое знакомство с копами. Меня столько раз задерживали за вандализм, мелкое хулиганство и употребление наркотиков, что в одном из отделений полиции за мной застолблен личный угол в «обезьяннике». Но все это время мне сходили с рук эти грешки, ведь я была несовершеннолетней, а от колонии для трудных подростков меня отмазывали старые заслуги моего мертвого папочки. Однако прямо на мое 20-летие я попала снова, и это стало последним разом, когда меня отпустили после двух суток отдыха за решеткой. Мне так и сказали: «Увидим тебя в участке еще раз – и останешься в тюрьме навсегда». Тогда я действительно испугалась этих слов и решила просто держаться от проблем подальше. А когда мне посоветовали взять наконец жизнь в руки и покончить со всем этим дерьмом, я взбесилась и послала всех к черту. Никто никогда не будет указывать непокорной Рейвен Уильямс, что ей делать и как жить. Вот к чему привело меня мое упрямство – коварная злодейка-судьба опять столкнула с моими старыми неприятелями.

Нежелание быть арестованной взяло вверх над разумом, и я была настроена действовать. Это было глупо и безрассудно, но зато в моем стиле. Я была прекрасно осведомлена о

том, как работает полиция на рейдах, это знание могло стать очком в мою пользу, а значит, существовал шанс на благополучное бегство. Снаружи раздался грубый мужской голос:

– Это полиция! Медленно откройте дверь, бросьте оружие и выходите с поднятыми руками!

Я не могла бросить оружия, ведь у меня его не было, и держать лапки кверху тоже не входило в мои планы. В остальном же, то есть в единственном пункте, я подчинилась приказу и немного приоткрыла дверь. Коп тут же поднажал на дверь, но прежде чем успел просунуться внутрь, я пинком толкнула ее обратно. Та с размаху ударила копа по голове, я услышала, как он вскрикнул, скорее, от неожиданности, чем от боли. Медлить было нельзя, я рывком распахнула дверь и побежала наутек. Оттолкнув ушибленного копа в сторону, я вырвалась вперед. Его мусорские дружки, конечно же, уже поджидали меня, второй полицейский наставил на меня оружие. Я знала, что он не выстрелит, но, повинувшись нежеланию быть продырявленной, я инстинктивно нырнула вниз. Тут-то мне и прилетело! Обогнув того, что целился в меня, я не успела миновать третьего копа. Тот, явно привыкший к бычьему нраву вроде моего, не растерялся и приложил меня прикладом винтовки. Я ахнула и тяжело свалилась на пол. Из разбитого носа заструилась ненавистная мне кровь. В голове зазвенело, зрение затуманилось. Лихие командос служителей закона без труда «окольцевали» меня наручниками. Это был финиш. Мышка попала в лапы котам.

Аарон Кэмпбелл, сидя в своем седане, наблюдал за работой отдела по борьбе с наркотиками. После разговора с командиром группы захвата детектив спокойно направился к машине. Рейд прошел быстро, парни сработали гладко и без видимых заминок. Уже через пятнадцать минут после начала операции детектив мог наблюдать, как один за другим выходят арестованные преступники и те, кто мог быть с ними связан. Детективу было плевать на эту уличную мелкую шушеру тупоголовых подростков, шлюшек или уторчанных наркоманов. Его глаза выжидающе высматривали лишь одного единственного человека. И вот, выходя вслед за крупным, похожим на примата Бренденом Дили, известным также как Би-Джей, Кэмпбелл увидел ее. Красивая худенькая девушка с волосами, по мнению Кэмпбелла, дурацкого синего цвета выходила на улицу. На руках свисали наручники, а под носом было размазана кровь – видать, сопротивлялась аресту. «Тупица», – подумал Кэмпбелл, прекрасно зная, что Рейвен Уильямс была девушкой с весьма строптивым характером. Детектив также знал, что это бунтарство было напускной показухой, за которой скрывались лишь боль и скорбь. Аарон Кэмпбелл разделял боль Рейвен, но искоренить ее не мог, как бы ни старался.

В то время как всех арестованных грузили в фургоны, ко-

мандир группы захвата приказал вести девушку в кабину одной из машин. Кэмпбелл знал, что тот мог бы отвести Уильямс прямо к нему, но не хотел этого. Это было бы слишком просто и окончилось неудачей для его плана, к тому же с Рейвен Уильямс уже нельзя было обходиться по-простому. Будет лучше, если все пойдет своим чередом.

Кэмпбелл заметил, как Би-Джей попытался вырваться к девушке. Он что-то говорил копам, но те, слегка поумерив пыл парня, смогли засунуть того в фургон. Командир взглянул на Кэмпбелла, поднял большой палец вверх, детектив лишь кивнул ему в ответ. Наконец полицейские фургоны отъехали, а через минуту, включив зажигание, и детектив поспешил удалиться.

* * *

Все это было очень странно. Сначала меня затолкали в машину отдельно от других, а теперь я сижу в комнате для допросов, вместо того чтобы считать часы в кутузке. Все это вызывает у меня чувство тревоги, смешанное с любопытством. Неужели я наконец допрыгалась и сейчас в комнату войдут злой коп и его хороший напарник, которые скажут в манере их роли, что я отправляюсь в тюрьму строго режима на миллион пожизненных? Или здесь что-то еще? Насколько я знаю, в допросную не сажают мелких вандалов, за которыми не числится торговля наркотой, проституцией или даже

убийство. Тогда почему же я здесь? Им что-то надо от меня, нутром чую. Я повернулась к огромному на всю стену зеркалу и показала своему отражению средний палец. Конечно же, я не себе его показывала, а ребятам, что стоят за зеркалом. Любой чувак, который хоть раз смотрел по ТВ-ящику дешевенькие сериалы про полицейских, знает, что стекло двойное, и если за стеклом кто-то и был, то он разглядел мой чудный пальчик. Но вернемся к полету мысли: может, копам надо сдать «41-ую банду»? Ха, не дождутся. Я не «крыса», не чертова стукачка и, кроме того, даже не состою в банде, просто тусуюсь с ними иногда. Мне нечего рассказать полицейским. А если не инфа им нужна, то что же тогда?

Когда дверь в допросную отворилась, я ожидала увидеть кого угодно, но только не его. Из всех людей на Земле я бы не хотела встретиться с Аароном Кэмпбеллом. Не потому что он плохой или вредный дед или очень суровый полицейский. Я не хотела видеть его, потому что он был моим другом. Потому что был хорошим другом моему отцу. И когда моя семья погибла, он был единственным близким человеком, поддержавшим меня. Он разделял со мной боль тогда, и я была уверена, что разделяет ее и поныне. Но, в отличие от меня, Аарон смог покорить горечь утраты, а я поддалась влиянию гнева и обиды. Когда он взял меня под опеку, то пытался воспитывать как дочь, которой у него не было. У меня были кров, еда, одежда и, самое главное, забота, с которой он ко мне относился. Аарон пытался поддерживать меня, но

никогда не жалел напрямую и не обращался со мной как с маленьким ребенком. Нас устраивало такое отношение к катастрофе, погубившей мою семью. Сейчас я бы ценила все его старания, но тогда, обозленная на весь мир, я все пустила на самотек. Перестала прилично учиться, а затем стала пропускать занятия, а потом в моей жизни появились легкие наркотики, которые затуманивали мою память, и в этом тумане я пряталась от призраков прошлого. Тогда Аарон пытался пресечь мое меняющееся поведение, все начало разваливаться, и в конце концов я сбежала. Я никогда не сомневалась, что Аарон пытался разыскать меня, иногда это получалось, но все раз за разом повторялось по одному сценарию – побег за побегом. В конце концов я исчезла с его радара. С последнего раза, когда мы виделись, прошло уже три года. И вот мы снова в одной комнате, а я не могу смотреть в его глаза. Потому что мне было стыдно перед ним. И пусть я никогда в этом не признаюсь, еще больше мне было стыдно за то, что за эти три года я ничуть не поменялась, а может, стала еще хуже.

– Убери ноги со стола, девочка, – поразительно хладнокровно произнес Аарон, и папкой, что держал в руках, смахнул мои ноги вниз. Я недовольно оскалилась, но промолчала. Аарон сел напротив меня, раскрыл папку с моим «послужным» списком приводов, штрафов и правонарушений. Папка за все время моей отшельнической жизни хорошенько поднабрала в весе. Большинство моих друзей и знакомых

одобрительно присвистнули бы или дали «краба». Аарона список тоже впечатлил, это было видно по его вздымающимся бровям.

Так мы и сидели, не говоря друг другу ни слова. Это казалось мучительной вечностью, и в конце концов я заговорила первой:

– Неплохо выглядишь, – произнесла я, детально разглядывая Аарона и удивляясь, что за все время, что мы не виделись, у него лишь слегка прибавилось седины.

– А ты по-прежнему выглядишь дерьмово, – не поднимая глаз от папки, ответил он. – Как дешевая рок-звезда.

Старикан Аарон не меняется, все так же придерживается древних нравов. Разговор что-то не заклеился, и я не знала, что еще сказать старому детективу. В конце концов Аарон отложил папку, снял очки и впервые посмотрел в мою сторону. Мне стало неловко от его взгляда: что-то в его карих глазах изменилось, померкло, я ощущала безразличие по отношению к себе. Он снова заговорил со мной, его голос звучал так, словно я была очередным преступником, которые тысячами появлялись здесь, а затем отправлялись за решетку или на электрический стул:

– Мисс Уильямс, вы осознаете, в какое положение вы попали?

– В обычное? Пара ночей отсидки в местном «отеле» для меня не в новинку.

– Вот именно, – сказал Аарон, снова открывая мое до-

сье. – «Вандализм, воровство, уличные драки, угоны, регулярное алкогольное и наркотическое опьянение»... Мне продолжать, мисс Уильямс?

– Слушай, хватит говорить со мной в таком тоне! – я не выдержала и повысила голос, но и Аарон ошарашил меня, когда впервые в жизни я услышала, как он повышает свой.

– А ты прекрати заниматься херней! – от его баса я даже подскочила со своего места, старикан нехило нагнал на меня жути. – Что ты творишь, Рейвен? Куда ты катишься?

– Куда я качусь? – переспросила я, налегая руками на стол и не замечая, как сдавливают их «браслеты». – Куда? Надеюсь, что в чертов ад! А делаю я, что хочу, потому что некому меня остановить! У меня нет никого, способного остановить меня! – я на мгновение замолкла, а затем с моих губ сорвалось: – Нет семьи...

– А я, Рейвен? Разве я не пытался заменить тебе семью? Не пытался быть как твой отец?

– Но ты не мой отец, Аарон! – произнося это, я почувствовала, как с гневом и яростью одновременно подступают и слезы. – Слушай, мне очень жаль, что я тогда сбежала. Сбежала и не могла вернуться. Я боялась, что ты не сможешь в очередной раз простить мою тупость и упрямство, и думала, что ты считаешь меня неблагодарной стервой.

– Я так и считаю, девочка, – спокойно произнес он и, не давая мне открыть рот, перехватил эстафету откровений: – Когда ты ушла, я долго пытался найти тебя, искал везде, ку-

да мог дотянуться. Но ты прочно залегла на дно, пока в один из дней тебя не привели в участок впервые. Знаешь, какво было мое удивление, когда мне сказали, что обкуренная дочка Сэма Уильямса – моего друга, ученика и напарника – сидит в здешней тюрьме за пьяную драку в баре? А потом были и другие, более серьезные нарушения. Мне было стыдно, Рейвен, но не за тебя и не за себя. Мне было стыдно перед твоим отцом. Он был отличным парнем и отличным полицейским. Если ты не знала, его фотография висит в моем отделе на доске памяти погибших. Шесть лет прошло с того дня, когда твои родные погибли, но не было ни дня, чтобы я не вспоминал их.

Аарон замолчал и посмотрел на меня. Тело беспомощно обмякло, силы покинули меня, я плюхнулась обратно на стул. Слезы текли ручьем, и я не могла и не хотела их останавливать. Наблюдая за мной, Аарон продолжил говорить:

– То, что ты до сих пор гуляешь на свободе, изредка ночуя на тюремных шконках, – это не заслуга твоей очаровательной харизмы. Это моя заслуга, и прежде всего заслуга твоего отца. Пусть его нет с нами, но все его до сих пор помнят и уважают.

Аарон достал из кармана плаща носовой платок и кинул его передо мной.

– А теперь вытри сопли и слушай внимательно, Рейвен. То, что я скажу, вовсе не шутка и не попытка воспитать тебя. Все серьезно. Когда-то тебе сказали больше здесь не появ-

ляться, и ты провалила эту просьбу, да еще и с нападением и сопротивлением...

– Откуда ты знаешь про то, что я сопротивлялась? – я произнесла это так тихо, себе под нос, что сама едва расслышала.

– Я знаю очень многое, – бросил Аарон, и тон его голоса стал еще серьезнее. – Ты уже совершеннолетняя, а я больше не могу вытаскивать твою задницу из полицейских участков. Тебе светит тюрьма, светит срок с твоим послужным списком, совсем немаленьким. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я кивнула в ответ, но это получилось как-то само собой. Воображение рисовало, как меня увозят куда-нибудь в Оссининг, бредут наголо, одевают в мешковатую оранжевую тюремную робу, а уже в тюрьме я с заточкой в руках дерусь за авторитет и собственную жизнь. Безусловно, веселое времяпрепровождение, но такое веселье я бы предпочла пропустить.

Аарон вытащил из плаща сигареты, достал одну и закурил.

– Я думала, ты давно бросил, – произнесла я, вспоминая как он всю жизнь борется с этой привычкой, сколько я себя помню.

– С тобой разве бросишь? – спросил он риторически, с удовольствием затягиваясь и пуская струю дыма в воздух. Я осмотрелась вокруг, взглянула на зеркало и на камеру, висевшую наверху в углу.

– А тут вообще можно курить?

– Иногда разрешают, – ответил Аарон, не спеша докуривать объект своей борьбы. – Например, когда надо надавить на кого-нибудь из подозреваемых.

Я понимающе кивнула и, помолчав, снова спросила:

– А мне можно? – Аарон опять затаился, а на выдохе кинул мне пачку и ключи от наручников. Я схватила их с таким рвением, будто от них зависела моя жизнь. Сначала избавившись от наручников и растерев затекшие запястья, я прикурила и с удовольствием отпустила дым из легких. О, это была самая чудесная сигарета в моей жизни! В наслаждении я невольно ухмыльнулась, и мой собеседник заметил это.

– Наслаждайся, пока можешь. Считай, что это последние поблажки в твоей вольной разгульной жизни.

Я молча посмотрела на него, понимая, что старый детектив ничуть не шутит. Если Аарон Кэмпбелл говорит о том, каково реальное положение вещей касательно меня, значит, так оно и есть. Сигарета тлела в моих руках, я внимательно смотрела на то, как миниатюрные искорки сжигают табак. Точно также сгорала и моя надежда на более позитивный исход.

– Неужели ничего нельзя сделать, Аарон? – я решила попробовать вымолить очередное отпущение грехов, хотя знавала, что в этот раз я действительно влипла.

– Докуривай сигарету и надевай обратно наручники, – вот и все, что произнес тот, окончательно выбив почву у меня из-под ног. Дело пахло никотином...

Ничего другого мне не оставалось, и поэтому я растягивала эту вожделенную сигарету так долго, как только могла. Пока я курила, Аарон уже потушил бычок и просто молчаливо ждал меня, все это время не отводя глаз. Я видела, что ему не нравится мое курение, но запретить мне он не мог, к тому же сам бросил мне эту пачку, как кость собаке. Я докурила, потушила сигарету, но наручники надевать не стала. Аарон не сказал ничего против этого.

– У тебя есть всего два выхода, но оба тебе вряд ли понравятся, – снова заговорил Аарон, наблюдая за моей реакцией. Естественно, что я заинтересовалась этим заявлением, но уже не воображала фантастической перспективы хеппи-энда. Детектив продолжил: – Первое: ты отправишься в тюрьму, как я сказал, надолго. Даже не смогу сказать точно, на сколько...

– Ладно, ладно, – остановила его я. Сигарета благотворно сказала на мне, и сейчас я была намного спокойней, чем в начале нашей встречи. Тоже самое можно было сказать и о старом друге. – А второй вариант?

– Как я и сказал, оба варианта тебе будут не по нраву. Но вот второй... Ты, наверное, предпочтешь отправиться за решетку, к своим дружкам...

– Ну, не тяни же, – мне начинало это не нравиться, и вообще я впервые почувствовала усталость от всего, что происходило в последние несколько часов.

– Ты станешь полицейским, – наконец закончил Аарон.

Он смотрел на меня, вероятно, ожидая совершенно любой реакции с моей стороны. И, наверное, он ничуть не удивился, когда я истерически засмеялась.

– Ты, наверное, шутишь? – сквозь смех спросила я, в припадке ложась на стол. – Тебе вроде далеко до мааразма...

Но потом я поняла, что Аарон ничуть не шутил. Я смолкла, а он в свою очередь продолжил:

– Хорошо, что ты закончила ржать, я вообще рад, что тебе очень весело. Но вернемся к тому, на чем ты меня перебила, ладно? Итак, ты бросишь свою преступную жизнь, своих дружков-бандитов, бросишь пить и покуривать травку, и бог знает, чем еще ты там занимаешься. Словом, ты возьмешься за ум. Тебя не осудят и не посадят, но при условии, что ты отнесешься к этому серьезно, Рейвен.

– Но с чего такая поблажка? – я была искренне удивлена такому повороту событий, и скрывать это было невозможно, да и незачем. – Еще десять минут назад ты говорил, что дела мои настолько плохи, что и не придумаешь.

– Говорил, да, – без лукавства согласился папин бывший напарник. – Но все это для того, чтобы ты осознала всю серьезность твоего положения.

– Ну, хорошо. Допустим, я действительно осознаю эту проблему. Но почему я не могу в очередной раз пообещать, что начну новую жизнь?

– Потому что твое слово сейчас ничего не стоит. Ты ведь «пообещаешь» это в очередной раз.

– Хорошо, подловил. Но как мне стать копом? Мой отец был копом, но это же не передается по наследству. Это же как джедайская Сила, наверно.

– Ты поступишь в полицейскую академию, и там ты пройдешь усиленные курсы по подготовке кадетов, а заодно наконец закончишь старшие классы. Получишь образование, а по выпуску тебя устроят на работу.

– Но в академию-то я как попаду? – не унималась я, стена задач, которую возводил передо мной Аарон, уже начинала казаться действительно не хуже настоящей тюремной стены.

– Не волнуйся, попадешь. Я попросил об этой услуге самого мэра, потому как он когда-то сам задолжал мне. И твоему отцу, кстати.

– Да, что-то такое я помню, – задумалась я, действительно пытаюсь вызвать те воспоминания в голове. – Тогда папа был награжден какой-то медалью или вроде того.

– Точно, – согласился со мной Аарон, не отвлекаясь от основной темы нашего разговора. – Я понимаю, что тебе кажется, будто ты меняешь шило на мыло, но поверь: так будет лучше для всех, и для тебя в первую очередь. Ты умна, находчива, настырная и упрямая. Ты никогда не пасуешь перед трудностями. Благодаря работе отца ты знакома с элементарными правилами полицейского сыска. Ты мотивирована, и ты сама это знаешь. Тебе суждено быть копом, Рейвен, и это твой шанс исправить все свои ошибки прошлого. Ты способна стать достойным человеком только в том слу-

чае, если действительно хочешь им стать, а не продолжать прозябать среди отбросов общества.

– И ты действительно веришь в то, что у меня получится? – задавая этот вопрос, я ощущала, как замирает мое сердце. Слова, что произносил Аарон, казались мне настолько убедительными, что я сама начинала в них верить.

– Подумай о том, что случилось с твоей семьей, – с тяжестью произнес старый детектив. – Сколько таких же людей, как ты, тоже потеряли свои семьи? Кого-то уже не вернуть, но ты ведь можешь предотвратить новые потери. И, кроме того, отвечая на твой вопрос: я никогда не переставал в тебя верить.

Слова старика повисли в воздухе, и комната снова наполнилась молчанием. Я думала об услышанном, в груди колыхались противоречивые чувства. Я не знала, что и сказать в ответ.

– У меня есть время переварить все это? – спросила я, хватаясь за голову. Она гудела буром от переизбытка информации и эмоциональных переживаний. И впервые за весь наш разговор, за всю нашу встречу Аарон хитро улыбнулся во весь рот.

– Можешь. У тебя есть два дня, – произнес он, довольная ухмылка не сходила с лица. – Но только за решеткой.

Я тихо выругалась, но выхода не было, и я ничего не могла с этим поделать. Аарон опять приказал мне надеть наручники, и те снова защелкнулись на моих запястьях. Вставая

из-за стола, старый друг добродушно обнял меня. Это было так приятно, что на самом деле я и забыла, насколько давно меня по-настоящему обнимали.

– Пойдем, я слышал, у тебя здесь есть собственная «комната», – произнес он, провожая меня из допросной.

Я не спала всю ночь. Не потому, что злилась очередной ночевке за решеткой, к этому-то мне не привыкать. И на самом деле сегодня я впервые испугалась этого. Испугалась, что это место стало для меня привычным.

Всю эту ночь я думала. Думала о прошлом, о том, что было, когда мои родные были живы и все мы были счастливы. Думала о том, каково мне было, когда они погибли, о том, как меня приютил напарник отца, Аарон Кэмпбелл, и о том, как он хотел, чтобы я была счастлива, а я вместо человеческой благодарности бросила его одного, сбежав и ничего ему не объяснив. Я, подобно жуку-навознику, наскребла себе кучу дерьма в виде пьянок и увлечения наркотиками, не говоря уже о криминальной жизни. Теперь, когда ничего не опьяняло мой разум, а впереди маячил неизвестный лучик надежды, я впервые по-настоящему задумалась обо всем этом.

После смерти семьи реальный мир перестал для меня быть моим настоящим миром. Стараясь перебороть себя и боль утраты, я попыталась выживать в суровой и враждебной среде, но настолько проникла в нее, что теперь это стало моей реальностью. Я понимала, что начала употреблять, только чтобы сгладить чувство утраты, но в остальном-то что? За-

чем я хулиганила все это время? Зачем пила и дралась? Зачем связалась со всеми этими молодыми гангстерами из «41-ой банды»? Неужели только за компанию? Я не знаю верного ответа.

А еще все эти опасности, к чему они? Я столько раз видела, как ребята уходят на «дело», но назад их уже возвращали мертвыми. Только сейчас, сидя здесь, я понимаю, что смотрела на них как на кукол, в то время как у этих ребят и девчонок тоже есть семьи, которые теперь тоскуют по ним. Точно так же, как я тоскую по своей семье.

После встречи с Аароном я уже не видела никакой так называемой романтики в том, как я жила. На самом деле все это было пустышкой, мусором. Игра, которую я себе вообразила. Пожалуй, я могу честно сказать себе: «Рейвен Уильямс, ты заигралась, подруга».

Но как мне быть с условием, которое выдвинул Аарон? Эта академия не для неженков и слабаков. Продержусь ли я там все это время, а если вылечу, не посадят ли меня тогда в тюрьму? После того как погиб папа, после стольких лет службы и моей текущей жизни смогу ли я вообще иметь право быть копом? По силам ли мне перечеркнуть все, что у меня сейчас есть, чтобы начать с нового листа? С другой стороны, а что у меня сейчас есть? Верно – ничего. Ни работы, ни образования, ни опять же семьи. Когда-то я была подающим надежды ребенком, которого ждало беззаботное и стабильное будущее. А теперь что? Перебежки со вписки на впис-

ку, постоянные кумары и жизнь впроголодь. Удивляюсь, как я вообще еще не подохла. Ха, но, возможно, это хоть одно мое достижение. Маленькое достижение для Вселенной, но огромное для Рейвен Уильямс.

Аарон сказал, что у меня есть шанс вырваться из этой грязи. Возможно ли, что он прав? Думаю, да. Старик Кэмпбелл всегда был довольно мудрым чуваком, наставником моего отца. Возможно, доверься я ему до конца, он бы и меня смог направить в нужное русло. По крайней мере, пытался все прошлые годы до моего побега, и, возможно, он наконец достучался до меня.

* * *

После всех этих мыслей и глубоких дум мне снова приснились родители. На этот раз, к счастью, это не было воспоминание об их смерти. Это был совсем другой осколок моего прошлого.

Первой мне приснилась мама. Приснилось, как она впервые дает мне в руки свои кисточки для рисования. Кажется, мне тогда было лет пять. Следующий момент: я вспомнила, как она учила меня рисовать. Я всегда хотела уметь рисовать также красиво, как мама, но, к сожалению, не все таланты родителей передаются детям. Потом мне приснилось, как я читаю какую-то книгу, а она пытается это изобразить на холсте. Наверное, странно, что эти воспоминания связа-

ны именно с ее хобби и работой. Наверное, я запомнила ее именно такой – вечно что-то набрасывающей в свой альбом. Однажды она даже пыталась зарисовать мои нелепые уроки игры на гитаре. Тогда я сильно психанула, маме удалось меня развеселить. Она нежно взяла у меня гитару и, немного перебрав струны, напела мне короткую мелодию, которую сочинила сама. Мама была талантлива не только в рисовании, но много в чем. Еще я запомнила ее почти всегда улыбающейся или смеющейся. У мамы была очень красивая улыбка. Наверное, это все отпечаталось в воспоминаниях, потому что мама почти всегда работала в моем присутствии, не важно, была ли я маленькой или чуть постарше.

Затем воспоминания о матери резко оборвались, и на смену им пришел сон о папе. Он был высоким и очень красивым, с точеным подбородком, который часто называют волевым. Папы часто не было дома, ведь работа полицейского подразумевала многочасовые расследования и бесконечные сверхурочные. Но когда у него выпадал выходной, я была счастлива, потому что тогда весь день он посвящал играм со мной. Пару раз в начальной школе я просыпалась поздно ночью и тайком видела, как он делает за меня уроки, если тема оказывалась мне не по зубам. В основном это была математика. Часто он так делал даже после того, как приходил уставший с работы. Если он вдруг и сам забывал школьную программу, мама обязательно ему подсказывала. А наутро я просто переписывала то, что он решал, и все ответы были

правильными.

Последней мне приснилась Кэти. Точнее, сначала мне приснилось, как родители сообщают мне, что скоро в нашей семье будет прибавление. Потом я увидела, как родители приносят ее домой из роддома и впервые показывают ее мне. Она была такой крохотной и беззащитной, что в тот день я сказала маме, что буду всегда ее оберегать. Какой же это было глупостью, сказанной маленькой девочкой! Первые полгода я даже близко к ней боялась подходить, потому что думала, что сделаю что-нибудь неправильно и она заплачет. А плакала маленькая Кэти очень много. Затем, словно конвейер, передо мной промотались многочисленные воспоминания о сестренке, где она носится по дому, что-то разбивает и получает нагоняй; падает с велосипеда и, не подавая вида, что ей больно, бредет домой; случайно рвет одну из моих плюшевых игрушек, и мы с ней громко ругаемся, а потом я защищаю ее от соседнего хулигана из ее детсадовской группы.

Последним видением стало то, как мы все вместе купаемся в нашем бассейне. Мама сидит на краю, лишь окунув ноги. Я прыгаю с разбега бомбочкой в воду, обрызгав всех вокруг. Папа учит Кэти плавать, но это было без толку – вода отказывалась держать сестренку, и в итоге она так и не успела научиться этому. Сон начал растворяться словно в черном тумане, и последнее, что я услышала, было эхо отцовского голоса: «Девочки, не важно, на земле вы или в воде, – всегда

держитесь на плаву».

Наутро я проснулась вся зареванная.

Прошло два дня с тех пор, как я провожу свое время за решеткой, плюя в потолок и думая о всех возможностях. Поразмыслив обо всем как следует, я задалась другими вопросами, которые стали волновать больше, чем возможность схлопотать срок, и теперь я лишь ждала появления Кэмпбелла. Когда Аарон наконец зашел в мои скромные пенаты, я уже была готова ко всему. Он ждал моего ответа, но, прежде чем его получить, я спросила, могу ли я получить ответ на интересующие меня вопросы. Аарон без промедлений согласился.

– Когда машина перевернулась, перед тем как погиб отец, я уверена, что слышала, как раздался выстрел. Когда меня вытащили из покореженной машины, мне не дали посмотреть на его тело. Скажи, Аарон, это ведь не случайная автомобильная авария? Она была подстроена из-за отца? На самом деле его застрелили, и только я, мама и Кэти были случайными жертвами?

Аарон стоял молча, обдумывая в голове, что ему ответить мне. Но вместо любых разглагольствований он вымолвил лишь искреннее «Да». Тогда я задала следующий вопрос:

– Раз это правда, то что за сволочь это сделала?

– Я не знаю, кто это был, Рейвен. Правда не знаю, – он был предельно честен, но меня такой ответ не устраивал. Я по-

чувствовала, как впервые в жизни во мне закипает праведная ярость.

– Тогда почему ты не искал этого убийцу? Почему он еще не гниет в тюрьме или вообще не сдох?

– А кто тебе сказал, что я не искал? Откуда тебе известно, что я не ищу его до сих пор?

Мой гнев тут же угас, не успев разгореться, на его место пришло нечто другое. Что-то, что наконец помогло мне по-настоящему увидеть Аарона Кэмпбелла. Я схватилась руками за решетку и произнесла:

– Выпускай меня отсюда, старик. Я хочу доказать, что достойна быть дочерью своего отца.

Часть вторая

Сразу после освобождения Аарон отвез меня домой. Я бы предпочла не показывать путь к своей берлоге, но сейчас я была раздавлена, не хотелось ни лишний раз спорить, ни долгой дороги своим ходом. Короче, мне захотелось поскорее добраться до горячего душа, и я согласилась показать Аарону дорогу.

Все это время мы ехали в тишине, которая изредка прерывалась моими указаниями касательно нужного поворота. Я повернулась спиной к водителю и притворилась спящей. События последних нескольких дней тяжело сказывались на мне, спать хотелось ужасно, но глаза категорически отказывались поддаваться закрытию. Аарон, знавший, что я не сплю, не лез ко мне с расспросами о моем самочувствии, и за это я ему была тысячекратно благодарна. Все это время моим немым собеседником был лишь дождь, идущий за окном. Вскоре Аарон подкатил свой черный седан к нужному дому. Он взглянул на место, где обитала Рейвен Уильямс, и я почувствовала, как его пробирает недовольство от увиденного.

Дом, где я жила, был старым, ветхим, шатающимся даже от самого слабого дуновения ветерка, словно это был домик из соломы. Здесь почти не осталось жильцов, а те благоразумные, что были, додумались поскорее сбежать отсюда, оставив лишь множество заколоченных окон. Из всех, кто

согласился бы на жизнь в таком доме, жили трое бездомных, два наркомана (не считая меня, потому что те угорали «почерному») и бисексуальная проститутка. Мы не были близкими друзьями, не были дружны, как братья по несчастью или семья в потаенном и сокровенном смысле этого слова, но я всегда знала, что в случае беды каждый из них придет на помощь другому. Как по отдельности, так и все вместе. Может быть, это и было моей странной семьей из отбросов общества?

– Могло быть и хуже, – произнес Аарон, глядя, как с угла дома сыплется кирпичная крошка. – Например, ты могла бы жить под мостом, забирать у людей еду и загадывать им загадки, прежде чем разрешать пройти.

Я усмехнулась себе под нос, оценив шутку. Я не торопилась покидать седан, отчасти из-за дождя, отчасти из-за того, что все ближе и ближе становлюсь на край своей обыденной жизни.

– Ну, спасибо, что подбросил, – произнесла я, открывая наружу дверцу. – Заезжай чуть позже, мне нужно время на сборы и все такое.

– У тебя пятнадцать минут, – Аарон схватил меня за рукав, не успела я и шагу ступить из машины.

– Чего? – опешила я. – Мне нужно больше времени! Ты посмотри на меня, я пахну как помойка! Дай хотя бы душ принять.

– У тебя будет возможность принять его в академии, не

переживай. А у меня вот времени нет тебя долго ждать. Рейвен, нам ехать половину дня, а потом мне еще нужно вернуться обратно в город. Сделай мне одолжение: бери, что тебе надо, и бегом назад, – закончив речь, старик Кэмпбелл отпустил мою руку и уставился перед собой. Я ничего не сказала ему, лишь, недовольно хмыкнув, вышла из машины. Ледяной ливень тут же обрушился на меня, и, совершив два прыжка через лужи, мне пришлось бежать до крыльца. Впрочем, и минуты не понадобилось, чтобы я промокла насквозь.

Поднимаясь на четвертый этаж, где жила, я прислушивалась к соседям. Как у нас негласно было заведено, в доме стояла тишина, и лишь в комнате Тедди, героинового нарика, едва слышно разговаривал телевизор. Я, как и любой из здешних, знала: если у Тедди включен зомбоящик, значит, Тедди ширнулся. Он всегда так делал, объясняя это тем, что ловит при работающем телике особые кайфы. Я никогда не пробовала геру, не собиралась начинать, даже чтобы лично проверить его слова, и оставалось просто верить ему.

Через два пролета я оказалась перед дверью своего убежища. Внутри меня встретил готический мрак, такой плотный, что сам Дракула с радостью облюбовал бы это местечко. Я огляделась вокруг: по углам валяются коробки из-под пиццы, пустые пивные банки, окурки и прочее барахло, непонятно каким образом сюда попавшее. Возле моего надувного матраса, заменявшего мне кровать, валялась груда книг. В детстве я могла зачитываться несколькими книгами одно-

временно, а теперь к книгам я прикасалась только когда надо было вырвать страницу для закрутки косячка. А после хорошего затыга можно и почитать, это да. Несколько использованных шприцов моей соседки были разбросаны по полу. В общем-то, все на своих местах.

Дом, милый дом.

Кстати о соседке: где Джессика? В темноте я и так едва могла что-то разглядеть, пришлось идти до спального угла, где обжилась Джессика. Она была второй героиновой наркоманкой в доме, можно было даже сказать, что у них с Тедди были какие-никакие отношения, но потрапушки за дозу я никогда не назову отношениями. Я не осуждаю Джесс, или Тедди, или еще кого из ребят, ведь и моих грехов за плечами вагон и маленькая тележка. Кто-кто, а я точно не имею права тыкать кого-либо из них в их же дерьмо. На самом деле они все неплохие ребята, а я вправе считать так, как считаю нужным. Подойдя ближе, я увидела, что Джессика распласталась на матрасе, рядом с ее рукой лежали влажная ложка, жгут и открытый шприц. Все было ясно как день. Я присматривалась к Джесс, пытаюсь увидеть, дышит она или нет. Понять было сложно, и мне пришлось спокойно наклониться к ней и проверить пульс. Нащупав его, я облегченно вздохнула.

Оставив Джессику пребывать в Стране Чудес, я отыскивала какую-то походную сумку, сначала удивившись, что у нас вообще есть что-то похожее, и начала сборы. Сначала, скинув с себя пропахшее несколькими слоями пота грязное шмотье,

я переоделась, а затем как попало покидала одежду и самые необходимые вещи в сумку. Уже через минуту я стояла в проходе, оглядывая комнату и прощаясь с прежней жизнью. Еще через две минуты мы с Аароном уже направлялись писать жизнь новую.

Аарон не врал. Ехали мы действительно очень долго. Ехали снова в молчании. Мы молчали не потому, что нам не о чем было рассказать, а потому, что никто из нас не знал, как и с чего начать разговор. Мы не виделись много лет, стали другими людьми (ну, я-то точно) и просто боялись быть не услышанными и непонятыми друг другом.

В конце концов, чтобы хоть как-то смягчить напряжение, витавшее в воздухе, Аарон включил радио. Из приемника тут же заиграли AC/DC, и дорога в ад тут же стала проходить легче и веселее. После сменили несколько волн и успели прослушать Руперта Холмса, Depeche Mode, Jungles и Paramore, Metallica и The Rapture. Мы тянули одеяло каждый на себя, и, наткнувшись (о, чудо!) на Suicide Silence, я сделала погромче. Аарон не смог долго слушать и поскорее приказал радио долго жить, после этого еще долго причитая о том, что это была не песня, а какой-то истеричный рев гепарда, который неделю не может нормально поспать. Я долго хохотала над таким сравнением, и уже после этого мы смогли пробить стену нашей неловкости. Аарон принялся расспрашивать меня обо всем, что творилось в моей жизни после побега из его дома. Решив, что все равно начинаю жизнь с нуля,

я рассказывала все без утайки. Повела о своих гулянках, выходках, о том, как жила, о своих ночевках в полицейских участках и ночных тусовках с ребятами из бандитских группировок. Единственный раз, когда я заткнулась, был вопрос Аарона, почему я стала курить дурь. Долго думая и взвешивая каждое слово, я честно ответила, что это началось из-за ночных кошмаров, связанных с гибелью родителей и Кэти. Я сказала, что это помогало мне забыться, отдалиться от воспоминаний об этом, но умолчала о том, что это мне давно уже не помогает и я курю травку только потому, что привыкла к этому. Аарон понимающе кивнул, и больше мы к этому вопросу не возвращались.

Затем наступила моя очередь слушать истории из жизни своего спутника. Это оказалось скучнее, чем я думала, но я все равно интересовалась и слушала, потому что не хотела задеть его. Из слов старикана я выяснила, что ничего сверхнового в жизни Аарона Кэмпбелла не произошло. Он все так же жил работой. Детей у него никогда не было, а жена бросила Аарона, еще когда был жив мой папа. На второй брак старый детектив так и не решился. Я подбодрила его, сказав, что, будь он на 300 лет моложе, я бы, возможно, влюбилась в него. Аарон рассмеялся и ответил, что он и сейчас очень даже ничего и что многие дамочки заглядываются на него. Я издевательски засунула два пальца в рот, будто меня тошнит, и мы снова засмеялись.

Однако, когда я переключилась на разговор о деле гибели

моей семьи, все веселье мгновенно испарилось. Аарон по-мрачнел и очень не хотел говорить со мной об этом.

– Пойми, Рейвен, дело закрыто за неимением каких-либо улик. Врезавшаяся в вас машина была чистая, а водитель умер после столкновения с вами. Нет ни свидетелей происшествия, ни отпечатков. Нет даже гильзы, доказывающей, что описываемый тобой выстрел вообще существовал. Тогда медики списали твой рассказ на сильнейшее эмоциональное потрясение, а расследование закончилось, не успев начаться.

– Но так не бывает! – воскликнула я. – Я не помню всего, что тогда произошло, но выстрел слышала отчетливо. Он был, Аарон. Был. Точно также, как должен быть хоть один свидетель, который что-то слышал или видел.

– В том-то и дело, – сказал Аарон, не отрывая глаз от дороги, – мы не смогли найти никого такого, сколько бы людей ни опрашивали. Я сам пытался вести это расследование, и если бы что-то всплыло, хотя бы маленькая соломинка, я бы ухватился за нее. Ты это знаешь, девочка. В участке тогда говорили, будто эта авария – чистая случайность, но я не верил в это тогда, не хочу верить и сейчас. Я считаю, что если имело место покушение на твою семью, то выполнено оно профессионалом, умеющим замечать следы.

Я сидела молча, обдумывая слова старого детектива. Они звучали убедительно, и я осознавала, что Аарон говорит это не просто так. В то время он действительно вел расследование, хотя, насколько мне известно, лично заинтересованно-

му детективу это запрещалось. И все же так просто сдаваться мне не хотелось.

– Ну, а самое элементарное? Как мэдэксперты не смогли распознать пулевое отверстие на теле отца?

– В официальных документах по делу нет никакого упоминания об этом. Не сомневаюсь, что кто-то из руководящих должностей повыше просто-напросто сделал так, чтобы никто не мог ничего доказать. Шесть лет прошло с тех пор, как погибли Сэм, Кассандра и Кэти, но ни одна зацепка так и не всплыла наружу.

– Дерьмо собачье, – озлобленно ругнулась я.

– Давай не будем больше об этом? Я знаю, что ты вознамерилась стать копом, не только чтобы избежать срока или доказать, что ты, цитирую, «дочь своего отца». Ты хочешь найти убийцу своих родных. Это абсолютно нормально, Рейвен, и я тебя прекрасно понимаю и не виню в этом. Но тебе не стоит забегать вперед и строить планы, основанные на мести. Ты должна понимать, что работа офицера полиции – это не только перестрелки с врагами общества. Это нечто большее и...

– Вкладывай в речь поменьше пафоса, – процедила я сквозь зубы, покусывая ногти.

– Я знаю, как это звучит, не перебивай, – спокойно осадил меня Аарон. – Я хочу сказать, что многие копы, особенно те, что подолгу работают, забывают о том, что они должны представлять собой символ справедливости, а не только быть

властью, данной жетоном и пистолетом. Твой отец говорил: «Бляшка и пушка – лишь инструменты, а острый ум и сострадание жертвам – вот настоящее оружие полицейского». Ты должна помнить об этом, Рейвен. Ты можешь со мной сейчас не соглашаться, но, учась в академии, ты многое узнаешь, осмыслишь и, возможно, поменяешь свое мнение.

Аарон замолчал, а я, в свою очередь, вновь задумалась над его словами. Что ж, старик Кэмпбелл опять был прав. Я еще даже не доехала до академии, а уже гоню лошадей в галоп. Так и представляю, как я, будучи с пушкой под боком, несусь на полицейской тачке по встречке, взрываю все вокруг, а в конце всаживаю в убийцу моей семьи всю обойму. Прямо женская версия Лиамы Нисона или Брюса Уиллиса. «Йо-хо-хо, ублюдох».

Чувствуя, что тема бесповоротно закрыта, я начала спрашивать об академии. Аарон вновь расслабился, оживился и стал отвечать на любой вопрос. Мне действительно было интересно узнать как можно больше подробностей, чтобы быть готовой ко всему. Он, заметив мое искреннее любопытство, сказал, что рад видеть меня в таком настрое.

В академию мы приехали уже к вечеру. Остановившись у ворот, Аарон посигналил.

– Назовите себя и цель своего визита, – раздался голос из динамика, висевшего рядом.

– Аарон Кэмпбелл, детектив полиции, сопровождающий студентку Рейвен Уильямс на зачисление, – вежливо отве-

тил Аарон. После недолгого молчания ворота медленно начали открываться, а голос из динамика призывал нас двигаться дальше. Пока мы ехали, я высунулась из окна, чтобы как можно лучше рассмотреть все вокруг.

Академия оказалась очень большой. Она находилась на возвышенности, центром являлся главный кампус, по сторонам делившийся на несколько других секций. Рядышком стояли и другие строения, наверняка построенные для обучения будущих служителей закона. Как я выяснила несколько позже, за главным кампусом на несколько километров размещалась остальная территория. Тут был испытательный полигон, спортивные площадки, собственное футбольное поле, полосы препятствий и стрельбище. Чтобы попасть к кампусу, нужно было подняться по каменной лестнице, в начале которой нас уже кто-то ждал.

Мы объехали симпатичный фонтанчик, сделанный под готику, и остановились прямо перед одиночкой-встречающим. Аарон первым вышел к нему навстречу, тем самым давая мне немного времени собраться с силами. Я наблюдала, как они обмениваются приветствиями и рукопожатием, и теперь настал мой черед выйти на сцену. Хорошо сложенный симпатичный мужчина лет тридцати встретил меня с улыбкой. Она показалась мне искренней, хотя и несколько натянутой. Наверно, этот мужик не часто улыбался.

– Добро пожаловать в нашу академию, мисс Уильямс. Меня зовут Томас Уист, я один из инструкторов нашего учеб-

ного заведения и на сегодня являюсь вашим провожатым, – военным тоном пробасил этот тип, протягивая руку. Я также протянула руку, Уист пожал ее, а затем продолжил:

– Поскольку вы с детективом Кэмпбеллом, – он кивнул Аарону, – слегка припозднились, я провожу вас в вашу комнату в общежитии, а завтра вам предстоит встреча с ректором академии, который лично введет вас в курс дела относительно обучения здесь, а также расскажет о местных правилах. У вас есть какие-то вопросы, *кадет*?

От его специально подчеркнутого последнего слова меня бросило в дрожь. Паника охватила меня, мне стало страшно и одиноко, хотя я и не была здесь одна. Сомнения закрадывались в голову: может, лучше было бы остаться на пожизненное в тюряге? Аарон, заметивший мое смятение, положил руку на мое плечо, и я сразу почувствовала облегчение.

– Вы не дадите нам минутку, мистер Уист? – спросил Аарон и, не дожидаясь ответа, отвел меня в сторону.

– Страшно? – спросил он, глядя в мои глаза. Я, отводя взгляд, кивнула.

– Может, ну все это нахрен?

– Неужели ты готова сдать и тебе хочется вернуться за решетку? Опять хочешь сбежать? Ты же была настроена решительно.

– Да, но... – начала оправдываться я, пытаюсь найти подходящие слова, так не вовремя сейчас ускользающие. – На словах это звучало проще, чем я думала. А сейчас мне хо-

чется бежать отсюда как полоумной.

Аарон усмехнулся и вдруг обнял меня. Я растерялась от неожиданности этого жеста, даже хотела отстраниться, но почему-то позволяла этому продолжаться. Объятие успокаивало меня, было по-отечески теплым и приятным, все тревоги и сомнения исчезали прочь. Только тогда я осознала, что Аарону никогда не было плевать на меня, даже после всего, что я натворила, и как к нему отнеслась. От него исходила семейная теплота, о которой я уже давно позабыла.

– Ты все сможешь, Рейвен, – сказал Аарон, приподнимая мой подбородок. – Самое трудное ты уже сделала – самостоятельно решила пройти этот путь. А я в тебя верю.

– Спасибо, – прошептала я, утыкаясь лицом в его грудь и стараясь не показывать накатывающие слезинки.

– Ну, все, хватит меня лапать, – вдруг выпалила я, возвращаясь к своему обычному поведению. Я ни в коем случае не хотела обидеть или оскорбить друга, просто понимала: если обнимашки затянутся и если не разорвать их, я точно схвачу свою сумку и готова буду рвать отсюда когти. – Ты вроде спешил обратно в город.

– Удачи тебе, девочка, – произнес Аарон. Я приятельски хлопнула его по плечу, и он поплелся обратно к седану. Заведя мотор, старик, прежде чем уехать, помахал мне рукой. Взглядом я проводила удалявшуюся за ворота машину, снова оставляя меня наедине со своими проблемами. Кто-то тактично кашлянул, и я вспомнила про ожидавшего меня

инструктора.

– Прошу следовать за мной, – сухо произнес Уист и, развернувшись многолетней военной дрессировкой, направился вверх по лестнице к общежитиям. Схватив свои немногочисленные пожитки, я спешно засемила следом.

Мы миновали главный корпус и свернули в сторону общежитий. Домом для студентов служило длинное четырехэтажное кирпичное здание, делившееся на две половины: одна половина была отдана под жилье юношам, вторая – для девушек. Ожидаемо выбрав второе, мы с Уистом поднялись на четвертый этаж. Везет мне на четвертые этажи, подумала я, вспоминая свою до недавнего времени берлогу, которую я оставила на разгром соседке Джессике. В длинном темном коридоре тянулись ряды дверей, моя же оказалась одной из последних. Приблизившись к ней, Уист достал ключи и повернул его в замке. Отворяя дверь, провожатый вежливо пропустил меня вперед. Щелкнув выключателем и осветив мое новое пристанище, Уист протянул мне ключи и произнес:

– Вот здесь ты и будешь жить. Обычно в комнате живут по два студента, но набор закончился, и все они уже распределены по своим местам.

– Кажется, мне повезло, – сказала я, едва не добавив, что к одиночеству мне не привыкать.

– Еще раз добро пожаловать. Расписание в нашей академии такое: подъем в 6:30, завтрак в 7:30, а после уже следу-

ют назначенные тебе занятия. Завтра, после того как поешь, тебе нужно будет явиться в кабинет ректора, он все объяснит о предстоящих нюансах и обучении в нашем заведении. Есть вопросы?

Я покачала головой, давая понять, что вопросов у меня нет. Уист в очередной раз поприветствовал меня в академии, а затем поспешил уйти восвояси. Только когда закрылась дверь, я поняла, что вопрос-то у меня был: кабинет ректора – это вообще где?

– Да и пес с ним, – буркнула я себе под нос, – сама разберусь.

Оставшись в одиночестве, я наконец позволила себе осмотреть новое жилище. Комнатка была небольшой, и я не совсем могла понять, как тут может жить два человека, когда для меня одной было как-то тесновато. С простором моего чердака можно было даже не сравнивать, но, если честно, размеры комнаты компенсировались вполне милым внешним видом: стены, окрашенные в успокаивающий синий цвет, и чуть темнее по оттенку синий ковер украшал пол; две небольшие кровати стояли параллельно друг другу; в стены был встроен просторный гардероб; даже было неразбитое окно. Я вообще представляла себе, что буду жить в солдатской казарме, провонявшей потом и тестостероном. А тут, оказывается, жить можно. А еще наверняка здесь есть блаженный душ! Но, может, опять его отложить, потому что усталость наваливалась все больше. С этими мыслями я бро-

сила сумку со своими пожитками в самый дальний угол и собралась бухнуться в кровать. Но прежде чем сделать это, в моей голове загорелась идейная лампочка – нужно сдвинуть кровати и устроить себе по-настоящему королевскую опочивальню! А что, ко мне ведь все равно никого не поделят, так почему бы и нет? Преодолевая зверскую усталость, я ухватилась за край левой койки и потянула на себя. Она оказалась не такой легкой, как я рассчитывала, поэтому пришлось изрядно поднапрячься. Спустя пару минут обе койки были соединены в одно большое целое, и я была довольна проделанной работой и своей сообразительностью в частности. Быстро сняв с себя лишние шмотки и убрав с кровати новенькую спортивную форму, выданную местным комендантом, я плюхнулась прямо лицом в подушку. Все время, что мы с Аароном добирались досюда, я думала, что не смогу уснуть этой ночью в новом для меня месте, но, если быть честной, я храпела и пускала слюни уже через две минуты, как легла.

Ровно в 6:30, как и говорил Уист, в общежитиях во всю мощь заиграл громкоговоритель, напоминающий о том, что пора просыпаться и становиться служителями закона. Не ожидая ничего подобного, я подскочила от испуга и едва не свалилась с кровати на пол. Озираясь по сторонам, словно беспомощный новорожденный котенок, я пыталась понять, что происходит, а когда поняла, ругнулась и залезла обратно под одеяло. Закрыв глаза и пытаясь вызвать блаженный сон, я все отчетливее осознавала, что после такого «будиль-

ника» уснуть уже не удастся и остается только следовать назначенному расписанию дня. Однако я не могла устоять перед соблазном поваляться в кроватке хоть еще чуть-чуть, хотя это и грозило мне пропуском завтрака. Ну и ладно, пускай остальные студенты, что учатся здесь, идут в душевые первыми и вообще живут от звонка до звонка, а вечная бунтарка Рейвен Уильямс еще позволит себе пару поблажек.

Прошло еще порядка пятнадцати минут, пока я добралась до душа. Очереди в коридоре уже не было, и я смело зашла внутрь. Там я обнаружила три душевые кабинки, две из которых были свободны, а в одной мылась такая же соня, как и я. Недолго думая, я прошла к дальней свободной кабинке и захватила ее. Раздевшись, я крутанула вентиль подачи воды, и приятная теплая влага окатила меня с головы до ног. Мыться нужно было быстро, но мне так хотелось остаться под этими потоками блаженства подольше. Я ведь мечтала о душе уже сутки, потому что ворчливый старикан Аарон Кэмпбелл не дал мне времени. Да и если вспоминать ванную в нашем полуразвалившемся доме, где воду приходилось греть в ведрах, потому что та была лишь ледяной... Короче, я испытывала настоящую эйфорию, а нахождение в этой академии даже начинало мне нравиться.

Я закончила мытье, выкрутила вентиль обратно и покинула кабинку. Решив освежиться прохладной водой, я подошла к раковине и открыла кран. В то время как вода ручьем побежала из крана, из соседней кабинки донесся пронзитель-

ный девичий визг:

– Ээээээй!!!

– Прости! – извинилась я с глупой улыбкой на лице, затем, поняв, что натворила, поспешила ретироваться оттуда.

Об оплошности в душевой я забыла, когда наконец добралась до столовой. Я долго не могла найти ее, рыская по всему общежитию. Встретив пару девиц и объяснив, что я новенькая, я узнала о местоположении столовой. Девушки, представившиеся как Кейт и Лорен, оказались настолько любезными, что не только объяснили, что столовая находится в главном корпусе, но и согласились меня туда проводить. Я назвала свое имя и согласилась на их предложение.

Столовая оказалась похожа на одну из тех ночлежек, где собираются бомжи, наркоманы и прочие обиженные жизнью. Я сама как-то бывала в одной такой, когда зачем-то искала знакомого бродягу по имени Френк. Разница между той бесплатной шарашкой и этой лишь в том, что эта выглядит вполне приличной и чистой, да и контингент питающихся здесь несколько отличался. А в основном общий вид был точь-в-точь: вдоль просторного зала ряды столов и скамеек, на которых чавкают студенты, а в дальнем конце была устроена кухонная зона с раздачей.

Пока мы с Кейт и Лорен проходили между рядов, большинство студентов переключили внимание со своих завтраков на меня. С разных сторон слышались шепотки и переговорчики о том, кто я такая и что здесь делаю. Некото-

рые парни пожирали меня глазами, кто-то даже присвистнул в стиле мультипликационного персонажа из каких-нибудь мультиков про говорящих кроликов, котов или мышей. С одной стороны, это казалось лестным, с другой – очень раздражало. Проходя мимо столика с группкой девочек, я услышала, как одна из них, блондинка, прошептала подругам что-то о цвете моих волос. Я не совсем расслышала, что она сказала, но похоже было, что ничего хорошего. Другая девушка шикнула на подругу в тот момент, когда я остановилась и собиралась развернуться к ним. Переговоры сразу смолкли, в зале повисло напряжение.

– Какие-то проблемы? – не церемонясь, я решила сразу идти в наступление. Девчонка по-прежнему сидела на своем месте, но глаза ее смотрели свысока.

– Смотри у кого. С каких пор сюда панков пускают? – спросила у своих подружек та. Видимо, языком она работать умеет. Ее подруги тут же заговорщически загудели.

– Повтори это еще раз, и панк тебе таких пинков раздаст, что ты на жопу сесть не сможешь.

– Да как ты смеешь со мной так разговаривать? Ты хоть знаешь, кто я такая? – вскочила со своего места блондинка. Она оказалась со мной одного роста, и наши глаза встретились, метая друг в друга молнии.

– В душе не чую, – презрительно хмыкнула я. – Но ради приличия, прежде чем вырвать тебе волосы, хочу узнать твое имя.

– Диана Сильверман, – горделиво произнесла блондинка, – лучшая ученица в академии среди женской группы. И я не понимаю, как такую, как ты, занесло сюда, да еще и посреди учебного года.

– Такую, как я? – нахмурила я брови. – Что ты имеешь в виду?

– Да тут все знают, что ты – сидящая на травке бездомная рецидивистка с кучей приводов.

– Я смотрю, что слухи здесь разлетаются быстро.

– Лузеров и убогих здесь не любят.

– А ну-ка повтори... – я сжала руку в кулак и уже готовилась ударить эту суку, но Кейт, ничего не произнося, легонько взяла меня под локоть.

– Тебе что, заняться больше нечем, Диана? – спокойно спросила Кейт, при этом не отпуская меня. – Отстаньте от нее, она ничем не заслужила такого отношения, – Лорен осмотрелась – взгляды всех присутствующих были устремлены на нас. Она взяла меня под вторую руку вместе с Кейт, чтобы не дать конфликту никакого развития, поволокла дальше к раздаче.

– Смотрите внимательней, девочки! – крикнула вдогонку Диана Сильверман. – Она может что-нибудь у вас украсть!

Закончив фразу, она села на свое место. Ее спутницы засмеялись, поддерживая кинутую колкость.

Мы подошли к линии раздачи и набрали еды: девочки взяли овсяную кашу на молоке, пару яблок и чай. Я же пошла

более привычным для себя путем: нахапала сэндвичей, картофельное пюре и нечто, отдаленно напоминавшее кофе. От количества еды разбежались глаза, я бы могла вечно выбирать что-то еще, но задерживаться было очень неудобно, и мы просто пошли искать свободный столик. Найдя такой и разместившись, Лорен заговорила первой:

– Не обращай внимания на этих девчонок и не сердись на них. Народ тут попадаетеся вредный, но в общем-то неплохой.

– Да, прости их за неряшливую грубость, – подхватила подругу Кейт. – Просто всем непривычно видеть новое лицо, когда прошло уже несколько месяцев после начала учебы.

– Уж не знаю, насколько меня хватит, – дерзко ответила я, – но ей придет конец, если не перестанет выкидывать такие фортели. Я быстро из нее все это дерьмо выбую.

– Они поймут и примут тебя, не переживай, – продолжила Кейт. – Нас учат здесь подобно военным – жить мирно друг с другом и работать как единый слаженный механизм.

– Круто, – бросила я, на самом деле с трудом представляя, как все эти ученики делятся последними хлебными крошками в тяжелые годы. Затем мне стало любопытно: – А можно вопрос? Почему вы выбрали учебу в академии?

– Ну, у каждого из нас здесь своя история. У кого-то, как у Лорен и многих, вся родня поколениями работала в правоохранительных органах.

– Хотя мне ближе медэкспертиза и вообще медицина, –

вставила Лорен, перебивая подругу.

– Но учишься ты на копа? – удивилась я, Лорен, рассмеявшись, ответила, что так хотел ее отец, и она пошла учиться ради него, а когда настанет момент практики, постарается перевестись в патологоанатомию.

– Кто-то хочет искренне служить обществу и тем самым понимать, что полиция – самый важный в этом способ, – продолжила Кейт. – А у кого-то история более трагичная...

Кейт резко остановилась, и взгляд ее потупился, лицо вмиг стало хмурым и невеселым. Я поняла, в чем дело, это было несложно, потому что подобная история была и у меня. Я не стала лезть с расспросами и, чтобы как-то сгладить неудобную для новоявленной подруги тему, ляпнула, что первое пришло в голову:

– А кто-то как я, – ухмыльнулась я и увидела, что девочки непонимающе на меня смотрят, слегка смутив меня. – Ну, я, в общем, как-нибудь потом вам расскажу.

Предполагая, что тему закрыли, мы принялись завтракать. Кейт и Лорен ели спокойно, не торопясь, хотя как бы уже надо было двигать на занятия. Я же уминала свое пюре за обе щеки, не забывая еще и жевать. Заметив, что мои соседки по столу снова на меня смотрят странными взглядами, я проглотила пищу и улыбнулась им. Девчонки ничего не сказали мне, мы продолжили завтрак, который иногда прервался вопросами ко мне с их стороны: откуда я, чем занималась на «гражданке», почему я крашу волосы в синий

цвет. Я отвечала не слишком охотно, понимая, что не могу откровенничать с людьми, с которыми познакомилась всего час назад. Да и не по моей натуре заниматься подобной девичьей фигней. И все же мне приходилось отвечать и что-то рассказывать, просто какие-то факты или моменты из моей буйной преступной жизни я предпочитала опускать. Когда Лорен спросила о моей семье, я резко смолкла и наверняка показалась девочкам растерянной. Я ответила, что моя семья погибла много лет назад. Лорен, покраснев, извинилась за затронутую болезненную тему, Кейт поддержала подругу и добавила, что прекрасно понимает, каково это. Я посмотрела Кейт в глаза и увидела в них знакомую всепоглощающую боль. Как я узнала несколько позже, год назад мать Кейт жестоко убили, что навсегда изменило судьбу девушки.

Расправившись с завтраком и покинув опять под многочисленные взгляды столовую, мы с девочками еще перекинулись парой слов. Лорен сказала, что им с Кейт пора на занятия, я в свою очередь сказала, что мне нужно в кабинет ректора и я понятия не имею, где он находится. Девочки снова пришли мне на помощь и проводили меня до нужной двери. Распрощавшись с ними, я бросила взгляд на табличку с именем «Генри Хейли. Ректор» на двери и постучала. Раздался характерный выкрик с приглашением войти, которому я и последовала.

Генри Хейли, сидя за своим рабочим столом, поднял глаза на меня. В кабинете повисла неловкая тишина, мы се-

кунду-другую оценивающе смотрели друг на друга. Этого времени мне хватило, чтобы рассмотреть ректора академии. Хейли было около сорока лет, худого, но привлекательно-го телосложения; карие глаза, обращенные на меня, были добродушными, но одновременно строгими и пронизательными, казалось, что ректор видит меня насквозь, отчего я неловко поежилась. Одет Генри Хейли в серый костюм, в хорошем состоянии, и который когда-то наверняка был дорогим, и белую шелковую рубашку, скрытую под темно-синим галстуком. Лишней мыслью я отметила, что пиджак на нем сидит так, чтобы мог подчеркивать на Хейли развитую мускулатуру, но при этом не сильно ее выделять. Волосы ректора были коротко подстрижены и хорошо уложены, на висках даже не было седины, что, кстати, однозначно пошло бы ему. Хейли смотрелся так твердо и уверенно, и, вспоминая своего папу, я сделала вывод: Генри Хейли – бывший военный. Хейли, не сводя глаз с меня, широко улыбнулся и, показывая рукой, произнес:

– А, мисс Уильямс! Прошу, присаживайтесь, пожалуйста.

Я невольно улыбнулась и последовала приглашению. Когда я уселась, ректор продолжил:

– Рад видеть вас в нашей академии. Прошу прощения, что не мог вас встретить лично вчера. Вы прибыли... э, немного поздно.

– Ничего, я все понимаю, – лукаво ответила я, зная, что на встречу самого ректора вечером по приезду рассчитывать

было бы глупо. Конечно, сказать это было бы еще глупее. Хейли кивнул и улыбнулся в ответ.

– Встречавший вас мистер Уист уже рассказал вам о рас­порядке дня? – я ответила, что он поведал об этом в общих чертах. – Это хорошо. Как вам у нас? Нет ли мыслей сбежать отсюда?

Я сделала вид, что задумалась над его вопросом.

– Да нет, пока не было желания, – произнесла я, потом до­бавив: – Душ у вас в общежитиях очень понравился, – Хейли рассмеялся моему выпадку, но через секунду его лицо стало предельно серьезным.

– Шутки шутками, мисс Уильямс, но вы должны пони­мать, что...

– Что все это очень серьезно, – закончила за него я, и, прежде чем Хейли успел заговорить, бойко продолжила: – Я все это понимаю. Я знаю, что моя ситуация прямо как в «Полицейской академии», но поверьте: я согласилась на это место добровольно. Я готова изменить себя и свою жизнь, чтобы в дальнейшем не давать трагически изменяться жиз­ням других.

– Но вы должны знать, что вы не герой Стива Гуттенбер­га. Начнете саботировать академию – все равно попадете в тюрьму.

– Я не собираюсь ничего саботировать. У меня свои при­чины находиться здесь, и ни угроза тюрьмы, ни Аарон Кэм­пбелл, определивший меня сюда, не есть основополагающий

фактор.

– Да, я знаю, что вы мотивированы, – кратко бросил Хейли, взглядываясь в мое лицо. – Как и досье каждого студента, я лично прочел ваше.

– Значит, вы знаете, что я не отступлю. И готова буду ко всему.

– Знаю и уважаю вашу устремленность к намеченной цели. Это достойное качество полицейского, никогда его не теряйте. Ведь ко всему здесь готовы вы не будете.

– В каком смысле? – удивилась я.

– Как ректор этого учреждения я должен предупредить вас, мисс Уильямс: я не в восторге от вашего нахождения в моем учреждении. Ваш друг, детектив Кэмпбелл, все ловко провернул благодаря знакомству с руководством, моего мнения на эту ситуацию никто не спросил. А ведь, по нашим правилам, вас вообще не должно быть здесь. У вас незаконченное школьное образование и, что хуже, вы не чисты перед законом. Вы даже не проходили вступительный экзамен! Вы упрямы, недисциплинированы, плохо уживаетесь с людьми. Вы не командный игрок, что в нашей профессиональной среде просто недопустимо. Я уже не говорю о том, что вы пропустили начало учебного процесса, а впереди еще почти 2 года. Обучение в нашей академии и без того довольно трудное, и не каждый может осилить его. Вам же предстоит исправить все вышеуказанное и при этом поспевать за остальными учениками. В прошлом у вас были впечатляю-

щие результаты по школьной программе, но после трагедии в вашей семье вы пустили все на самотек.

– Да, был такой момент, – вставила слово я, но Генри Хейли предпочел пропустить это мимо ушей, продолжив говорить как ни в чем не бывало:

– Ваше обучение здесь будет весьма трудным. Скажите, Рейвен, вы сможете все это наверстать и удивить нас?

Мне очень хотелось подняться с кресла, облокотиться руками на стол и угрожающе нависнуть над Хейли, но вместо этого я впилась ногтями в подлокотники и сурово произнесла:

– Еще как, вот увидите.

Я заметила, как Хейли напрягся, также как и я, ощущая, что воздух в кабинете наэлектризовался. Но вместо грома и молний последовала небрежная искренняя улыбка на его лице. Он откинулся на спинку своего кресла.

– Я буду следить за вашими успехами, мисс Уильямс, – он протянул мне какой-то листок. – А теперь вам пора на ваши первые занятия. Удачи вам.

Я взяла листок, поднялась со своего места и пошла к выходу. Прежде чем я успела выйти, ректор окликнул меня:

– Мисс Уильямс?

– Да? – отозвалась я, наполовину открывая дверь.

– Сделайте что-то со своим цветом волос. В нашем учреждении и, собственно, настоящему полицейскому не престо-
ло ходить в таком виде.

И обучение действительно началось. Первый урок, на который я пошла после беседы с ректором Хейли, оказался уроком философии. Я постучала, вошла, и взгляды всех присутствующих в классе снова устремились на меня. Мне и без того было достаточно неловко, но границы есть всему, ведь это начинало меня раздражать. Тем не менее я извинилась за опоздание перед преподавателем, мистером Квигликом, и назвала свое имя и причину своего опоздания. Мистер Квиглик, интеллигентный и милый старичок, улыбнулся своему новому кадету, понимающе покивал головой и пригласил пройти дальше, чтобы занять свободное место и в первую очередь не задерживать занятие. Я приземлилась на самое дальнее место, которое только смогла найти. Повышенное внимание к моей скромной персоне продолжало будоражить мой внутренний гнев, но все тот же мистер Квиглик, заметив это, попросил студентов относиться к новенькой уважительней и что времени для знакомства со мной у них еще будет предостаточно за пределами кабинета. Как ни странно, его слова возымели успех, и от меня наконец отстали, переключившись на тему урока. Я честно приготовилась внимать словам преподавателя, собираясь стать не только лучшей в классе, но и вообще во всей академии, но вся инфа, которая ко мне поступала бурлящим потоком, казалась мне слишком скучной и независимо от меня растворялась в пучине мозга в отделе «никогда не вспомню, что это за хрень». Ради приличия я даже пыталась записывать в тетрадь если не всю лек-

цию, то хотя бы какие-то заметки, но просто-напросто не поспевала за преподавателем, который доносил свое учение так быстро, словно Эминем читал рэп. Я уже не говорю о том, что глаза у меня постоянно норовили закрыться, и чтобы не уснуть в первый же день, я легонько щипала себя за руку. К концу лекции место на руке между большим и указательным пальцами было практически цвета раскаленного металла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.